

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 1921-1922 гг.

А.А. Горина

Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Нижегородский институт развития образования». 603122, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, д. 203.

В статье на примере Нижегородской губернии в первой половине двадцатых годов XX столетия освещается одна из наиболее трагичных страниц церковно-государственных отношений. Целью Советской власти, объявившей о построении первого в мире атеистического государства, было полное уничтожение церкви и религии как культурного, социального и мировоззренческого явления. Голод 1921-1922 гг. послужил отправной точкой и своего рода явился поводом для всей дальнейшей жёсткой политики советского государства по отношению к Церкви. Вследствие этого было уничтожено не только огромное количество различных памятников историко-культурного наследия нашего Отечества, но и в ходе репрессий погибло большое количество верующих и священнослужителей. Много лет господствовало утверждение о том, что Русская Православная церковь противилась передаче церковных ценностей, предназначавшихся для помощи голодающим. Все действия церкви, воззвания Патриарха Тихона подвергались умышленному искажению.

Широкий круг ранее засекреченных источников, в настоящее время ставшие доступными, позволяют объективно проанализировать благотворительную деятельность Русской Православной Церкви по оказанию помощи голодающим в 1921-1922 гг. В статье подробно рассмотрен ход кампании по изъятию церковных ценностей в Нижегородской губернии, представлены данные о количестве изъятых ценностей и сколько из них пошло на помощь голодающим. В протоколах заседаний съезда духовенства и мирян Нижегородской губернии отражено добровольное желание Церкви помочь голодающим. Опубликованные материалы позволили выявить особенности кампании по изъятию церковного имущества, последовательно и подробно рассмотреть процесс перехода от добровольного пожертвования ценностей в помощь голодающим до принудительного изъятия церковных ценностей в регионе, а также определить причинность взаимодействия власти и Нижегородской епархии.

Ключевые слова: голод 1921-1922 года, добровольное пожертвование, помощь голодающим, изъятие церковных ценностей, Нижегородская губерния, архиепископ Евдоким (Мещерский), Нижегородская епархия, церковь

В советской историографии оценки событиям давались, основываясь не на фактическом материале, а на повторяющихся одних и тех же идеологических штампах. Утверждалось, что кампания по изъятию церковных ценностей использовалась духовенством для личного обогащения, а сопротивление верующих изъятию ценностей расценивалось как результат «контрреволюционной» политики церкви. Вопрос изъятия государством церковных святынь и ценностей в 1922 г. рассматривался очень тенденциозно и односторонне, в силу принятого тогда официально негативного отношения к религии. Всесторонне изучить проблему, особенно на региональном уровне, не представлялось возможным в виду строгой засекреченности документов вплоть до конца 1980-х гг.

К началу 1990-х гг., когда закончилась эпоха гонений на церковь и началось её возрождение, появились условия для изучения архивных источников. Это способствовало расширению проблематики церковно-государственных отношений в 1920-е гг. Большую ценность представляет сборник документов Н.Н. Покровского, С.Г. Петрова «Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922-1925 гг.», так как в нём содержится подробный источниковедческий анализ документов Политбюро ЦК РКП (б), постановлений пленумов ЦК РКП (б), протоколов заседаний Антирелигиозной комиссии. «Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального Архива ФСБ РФ», представляет собой уникальный свод документов, большинство из которых являются бесценными свидетельствами истории Русской Православной Церкви XX века.

Немаловажным будет отметить статьи Л.В. Абросимовой «Голод 1922 г. и

Нижегородская епархия» и О.В. Дегтевой «Судьба Оранской иконы Божией Матери», опубликованных в краеведческо-историческом журнале «Нижегородская старина». В статьях представлен подробный анализ событий в период голода и изъятия церковных ценностей из монастырей и храмов Нижегородской губернии.

Важнейшими источниками, которые позволяют не только подробно рассмотреть процесс изъятия на местах, но и проследить отношение к происходящему в Нижегородской губернии, являются материалы двух нижегородских архивов: Центральный архив Нижегородской области, фонды: 1016- Нижегородский губернский епархиальный Совет. 1917-1927 гг.; 1678- Нижегородский губернский революционный трибунал; 56- Нижегородский губернский исполнительный комитет; Государственный общественно-политический архив Нижегородской области, фонд 1-Нижегородский губком ВКП (б). Из периодической печати 1920-х годов несомненную ценность представляет газета «Нижегородская Коммуна» за 1921 – 1922 гг., «Известия» Нижгубкома РКП (б) за 1921 – 1922 гг.

Ввиду вышеизложенного, целью исследования является анализ процесса противостояния власти и церкви в 1921-1922 гг., его причин и последствий на региональном уровне, а именно на примере Нижегородской губернии. Это исследование поможет внести особый вклад в представленный период истории отношений Русской Православной Церкви и Советской власти.

К началу 1921 г. сельское хозяйство Нижегородской губернии находилось в тяжелом положении. Посевная площадь губернии составляла лишь 56 % от довоенного уровня [ЦАНО. Ф.56. Д.1645. Л 3].

Сокращение пошло за счёт уменьшения посевов основных хлебных культур, посевов льна, которые занимали важное место в хозяйстве губернии. Валовой сбор основных продовольственных и кормовых культур пошел на спад. поголовье скота сократилось в половину, из 320528 крестьянских хозяйств 145356 хозяйств, или 45,4%, не имели рабочего скота. Для сравнения, в 1914 году безлошадники составляли 30%, 89299 крестьянских хозяйств, то есть 28%, не имели коров [ЦАНО. Ф.56. Д.1645. Л.4].

Летом в 1921 г., случилось масштабное и трагичное событие, затронувшее многие территории России. Засуха задела и Нижегородскую губернию. Неурожай был в пяти уездах. Голод наступил в 7 уездах в основном за счёт беженцев из пострадавших от голода губерний. Валовой сбор урожая зерновых в Нижегородской губернии составил лишь 64% от необходимого для губернии его количества. Общий недостаток выражался в 1107300 пудов [ЦАНО. Ф.56. Д.1646. Л.20].

В Нижегородской губернии в это время также была создана Губкомиссия помощи голодающим. В неё входили: три представителя от губисполкома, по одному от горсовета, губпрофсовета и от голодающего крестьянства. С 1 октября 1921 г. на всех предприятиях было принято решение об отчислении заработной платы, о сверхурочных работах в помощь голодающим [ГОПАНО. Ф.1. Д.1864. Л.32]. Комиссия организовывала врачебно-питательную помощь голодающим, создавала уездные и районные комиссии и отряды по оказанию помощи голодающим. С 1 ноября по 1 декабря 1921 г. на текущий счет Губкомиссии помощи голодающим в Губфинотделе поступило 380.053.778 рублей – пожертвований в пользу голодающих. Собирались отчисления от продналога, от предприятий и т.д. В целом было собрано таким образом около миллиарда рублей, 18 пудов хлеба, 40 пудов картофеля и т.д.» [Абросимова, 2013: 125].

В Нижний Новгород из Поволжья было направлено около 2000 детей, плюс ко всему, в голодающих уездах Нижегородской губернии много детей пострадало от

голода. Всего насчитывалось примерно 7000 голодающих детей-беспризорников. Была разработана система распределения детей и их дальнейшего содержания. К каждому профсоюзу Нижегородской губернии «прикреплялось» определённое количество детей. Так, к Губотделу совработников был прикреплен детдом на 60 человек детей, к Губотделу текстильщиков – 15 детей, к нижегородскому райкомводу – 25 человек детей. Союз Нарпитания содержал 30 детей, Павловское Упрофбюро прикрепило к союзам 94 детей Лукояновского уезда. Затем пленум Комитетов помголов Губотделов от 24 марта 1922 года посчитал нецелесообразным организацию мелких детдомов по союзам и предложил взять детдома на полное содержание всех профсоюзов. Всего Нижегородский Помгол кормил в бесплатных столовых 16 тысяч детей. Была введена на одну неделю надбавка не менее чем 10% на стоимость билетов всех театров, кино, вечеров и других развлечений, а также на позднюю торговлю. Производился сбор входной платы в ресторанах и кафе, имеющих увеселительную программу [Абросимова, 2013: 125-127].

Наряду с органами советской власти Русская Православная Церковь так же незамедлительно начала действовать. 22 Августа 1921 года Патриарх Тихон обратился к русскому народу, к народам мира, к главам христианских церквей за границей с горестным и страстным посланием: - «К тебе, Православная Русь, первое слово мое! Во имя и ради Христа зовёт тебя устами моими Святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви. Спешите на помощь бедствующим, с руками, исполненными даров милосердия, с сердцем, полным любви и желания спасти гибнущего брата..... К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой! Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода.... На помощь немедля! На щедрую, широкою, нераздельную помощь!» [Штриккер, 1995: 146-147]. На призыв Патриарха откликнулись многие Архиепи-

скопы и Епископы России, а также «Американская административная помощь» (АРО), которая выделила голодающим в течение года 25 тыс. вагонов продовольствия. Благодаря американской прессе информация о голоде в России постоянно публиковалась на страницах газет, что обеспечивало приток благотворительных пожертвований. Городской совет Цюриха ассигновал 50 тысяч франков. Римский папа пожертвовал один миллион лир, Коммунальный совет Вероны 10 тысяч лир, Люксембург 100 тысяч франков. Многие народы мира предложили принять у себя и накормить голодающих детей» [Титков, 2012:170]. Важно отметить что, глава Русской Православной церкви, помимо призыва о пожертвованиях, сообщил о готовности «церкви добровольно помочь голодающим» как следует из письма, обращённого «к властям от 22 августа 1921 года» [Соловьев, 2000: 11] добровольно сдавая ценности, не имеющие богослужебного употребления. В августе 1921 г. были созданы епархиальные комитеты помощи голодающим, куда поступали средства, которые позже распределялись и отправлялись на помощь голодающим. Важно отметить что только лишь с 9 декабря 1921 года комитеты могли организовать сбор средств помощи голодающим на основании принятого ВЦИК постановления, которое давало Церковному Комитету официальное разрешение на такого рода деятельность, то есть с опозданием почти на весь год.

Нижегородскую епархию, которая к началу 1920-х гг. насчитывала православного населения около 1 604 269 человек, церковью 1131, часовен и молитвенных домов 211, монастырей 28, духовную семинарию, мужское и женское Духовные училища [Никитин, 2008: 251] возглавлял архиепископ Евдоким (Мещерский). Он получил известность благодаря своему положительному отношению к Советской власти и стремлению наладить отношения, демонстрируя полную политическую лояльность, которые очень редко можно было встретить в те беспокойные годы в стране.

3 февраля 1922 года состоялось общее собрание Нижегородской епархии, благочинных нижегородских церквей и некоторых председателей Церковных советов. Архиепископ призвал на собрании «оказать действительную реальную помощь в борьбе с голодным бедствием в Поволжье». Собрание откликнулось на горячий призыв своего архипастыря и постановило собрать из всех церквей и монастырей епархии наиболее ценные вещи и отдать их в пользу голодающих Поволжья [Нижегородская коммуна. 11 февраля 1922:1]. 11 февраля 1922 года на центральной странице главной газеты края – «Нижегородской коммуны» – было опубликовано «Воззвание архиепископа Евдокима о помощи голодающим», которое гласило: «Я, ваш архипастырь, несущий пред Богом ответ за ваши души, взываю к вам о самопожертвовании. Употребите все усилия для спасения ваших братьев. Помните, что больше сея любви никто же и мать, да кто душу свою положит за други своя. (Ио. 15, 13), и кто говорит: «люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец. (Ио. 4,20). ... И если бы потребовалось принести на алтарь любви к ближнему и то, что представляет для вас святыню - церковное имущество, несите его, по примеру ваших предков...» [Нижегородская коммуна. 11 февраля 1922:2]. Призывая других, сам он не остался в стороне и пожертвовал свои личные золотые вещи. Как рассказывает в своей речи архиепископ Евдоким: «С чувством глубокой радости, препровождаю вам на борьбу со страшным голодом Поволжья, следующие принадлежащие мне серебряно-вызолоченные вещи: два креста архимандрита с украшениями, наперсный священнический крест, две столовые ложки, сахарницу, две чайные ложки и одна золотая ложечка для горчицы, колечко для салфетки, стакан и 10 рублей золотом, 26 рублей серебром, пожертвованных мне на голодающих» [Нижегородская коммуна. 24 апреля 1922:4].

В газетах все чаще стали появляться записи о пожертвованиях. Так, в «Нижегородской коммуны» 17 февраля 1922 г. сообщалось о том, что «трудящиеся се-

стры Макарьевской православной женской общины предложили взять у них ненужную утварь из драгоценных металлов». В другой статье «Оранская обитель - голодающему Поволжью» говорилось о том, что монастырь пожертвовал 100 пудов хлеба, 1000 аршин русского холста, около 5 миллионов денег и засеял хлеба на 4 с половиной десятинах земли, монастырь добровольно сдал церковную утварь, среди которой «обращает на себя внимание серебряный престол, весом около 5 пудов» [Нижегородская коммуна, 1922:2].

В результате экстренного собрания Лысковского городского духовенства и Членов Лысковского Совета Приходских Общин, которое состоялось 19 февраля, на повестке дня было 3 вопроса:

1) О пожертвованиях церковного имущества в помощь голодающему Поволжью;

2) О том, что пожертвовать;

3) Об избрании Комиссии. Собрание сочло необходимым придти на помощь голодающим, пожертвовав по возможности церковные ценности при образовании особой Контрольной Комиссии в городе Лыскове при Преосвященном Епископе Васильсурском Макарии.

Было решено:

Для трёх уездов Епархии с необходимым требованием представить собрание вещей в обезличенном виде, непосредственно в Комиссию при Архиепископе Евдокиме для скорейшего направления по назначению, одновременно уведомить Патриарха Тихона о количестве пожертвованного. Пожертвования провести на местах [ЦАНО. Ф.1016. Д. 170. Л.3].

Изъятие проходило чётко по инструкции, которая была опубликована в газете «Нижегородская Коммуна» от 24 Февраля 1922 года. Инструкция предписывала: «установить порядок ближайших работ, комиссии назначить день и час производства работ в данном здании, вызвать через местные исполкомы к назначенному часу от 3-5 лиц из числа граждан, в пользовании коих находится данное здание со всеми имеющимися документами и описями». В пункте №7 инструкции

указывалось, что все изъятое церковное имущество пересылается в губфинотдел и уфинотдел. Дальнейшее направление ценностей в центральный орган гохрана на особый счёт ЦК помгол для реализации на продовольствие, семена и тому подобное для голодающих [Нижегородская коммуна, 1922:3].

Примером добровольного сбора церковных ценностей может послужить протокол заседания съезда духовенства и мирян Лукояновского Епархиального Округа, состоявшегося 24 февраля 1922 года. На повестке дня была животрепещущая тема «Помощь голодающему Поволжью». С первым словом выступил Епископ Поликарп. Он призывал «жертвовать погибающему от голода русскому народу не принадлежащую богослужебному употреблению ценную церковную утварь, чтобы через посредство этой жертвы спасти умирающих от голода братьев, и мы, православные христиане, должны будем это сделать!.. Да не смутится, братие, сердце Ваше необходимостью поделиться с голодающими священным достоянием церкви, церковной утварью» [ЦАНО. Ф.1016. Д. 170. Л.1].

После воззвания Архиепископа Поликарпа выступил представитель Укомпомголода Питенин. В первую очередь он решил представить «цифровой материал, который был доложен на IX Всероссийском съезде советов товарищем Калининым и представителями голодающих губерний» Он отметил, что «голодающее население на сегодняшний день составляет 28.000.000 человек. Самарский уезд за октябрь имел 20773 человек опухших от голода и смертей от того же бедствия 3214 человек. В докладе были приведены и факты каннибализма «Вот Вам факт – получен протокол Усминского волисполкома, где мать умершего от голода 11-летнего мальчика, изрубила и поклала в котел для варки надеясь тем спасти себя от голода. Сведения получены из Андроновского района».

В итоге заседания постановили: «Провести изъятие церковной утвари, не употребляемых при богослужении, каждой Лукояновской церкви в пользу голодаю-

щих. В Лукояновском, Починковском и Сергачском уездах. Кроме жертвы церковной утвари открыт широкий сбор продуктами, а также и вещами». А так же «при Лукояновском Епископе Поликарпе утвердить соборно - доставочный Комитет из 7 человек» [ЦАНО. Ф.1016. Д. 170.Л.2].

Из статьи «Золото – голодающим», которая была напечатана в газете «Нижегородская коммуна» от 1 апреля 1922 года, можно более детально познакомиться с процессом изъятия церковных ценностей из городского собора и Вознесенской церкви города Лысково. «В присутствии священнослужителей церкви и верующих, которых было при первых обследованиях свыше 100 человек. Комиссия, прежде чем приступить к работам, открыла заседание... Председатель подкомиссии тов. Козлов обратился с речью к церковному совету и верующим, указав на крайне тяжёлое положение голодающего Поволжья и просил верующих прийти на помощь голодающим и изъять ту церковную утварь, которая не употребляется при богослужении и может быть перелита в слитки для закупки хлеба голодающим». В статье сообщалось, что после того, как присутствующие ознакомились с декретом ВЦИК и инструкцией, подкомиссия приступила к рассмотрению описей церковных ценностей. Автор заметки подчёркивал, что церковный совет вместе с прихожанами, единодушно высказались за отдачу тех ценностей, которые были намечены подкомиссией. «Нужно отметить, что подкомиссия работает в полном контакте с церковным советом и в обеих указанных церквях не наблюдалось никаких разногласий подкомиссии с церковным советом и верующими... Был составлен протокол с подробным указанием в нём ценностей, зачитан верующим и подписан членами подкомиссии, церковного совета и группой верующих. По закрытии заседания церковным советом и верующими вынесено членам подкомиссии благодарность за их корректность и тактичность. При осмотре оставшихся 6-ти церквей города, подкомиссия перенесёт работу в уезд, в котором насчитывается до 78 церквей» [Нижегородская коммуна. 1апреля

1922:3]. Подобные заметки в «Нижегородской коммуне» весной 1922 г. были не редкостью и свидетельствовали о мирном добровольном ходе кампании.

Таким образом с февраля по апрель 1922 года было собрано: «по городским церквям – 62 пуда 32 фунта 3 золотника 43 доли серебряных изделий и 1 фунт 79 золотника 82 доли золотых. По уездам: 3 пуда 7 фунтов 26 золотников и 46 долей серебряных изделий. Из монастырей и храмов изъято 795 предметов церковного обихода. С 14 марта по 5 июля по 1922 года в Москву было отправлено 286 ящиков церковных ценностей» [Абросимова, 2013:132].

Однако не смотря на, казалось бы, положительную тенденцию к объединению в преодолении бедствия поразившего страну, советская власть решила использовать голод как предлог для начала масштабной кампании по уничтожению Русской Православной Церкви. Так 23 февраля 1922 г. ВЦИК ратифицировал декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», которое нарушало все прежние договоренности [Соловьев, 2000:850]. К середине апреля добровольный ход кампании стал приобретать принудительный и более жестокий характер, что в свою очередь послужило началом возникновения недовольств среди верующих. Выступления против изъятия церковных ценностей в Нижегородской губернии стали приобретать более частый характер. Например, решительное сопротивление верующих против изъятия церковных ценностей проявилось в с. Толоконцево Борского района, с. Афанасьеве Богородского уезда. Из нижегородцев известна «гражданка Панова», обвинявшаяся в «возбуждении населения к сопротивлению» [ЦАНО. Ф.1678. Д. 330.Л.4]. Священники уличались в основном в сокрытии ценностей, как например, священник Цветков из города Лукоянова, который решил сокрыть от всех чтимую икону Божией Матери в серебряном окладе [ЦАНО. Ф.1678. Д. 331.Л.5].

В «Нижегородской коммуне» от 11 мая 1922 года в статье «Кто является убийцами голодных», рассказывается о проис-

шествии в городе Сергаче, где «19 апреля сего года в Сергачскую подкомиссию по изъятию церковных ценностей были вызваны представители церковного совета Дамаскинской церкви во главе с председателем совета священником Добролюбовым. Им было предложено на основании декрета ВЦИК сдать все имеющиеся в церкви ценности. Представители церковного совета заявили, что они выдать ценности не уполномочены собранием верующих, имея ввиду, очевидно, состоявшееся на Страстной неделе общее собрание церковного совета, которое не согласилось с изъятием, и предложили подкомиссии самой произвести изъятие, но в присутствии церковного совета. Когда члены подкомиссии по изъятию ценностей явились в Дамаскинскую церковь, то оказалось, что как в самой церкви, так и около неё уже собралась толпа граждан в количестве около 100 человек, из числа которых отдельные личности стали задавать вопросы членам подкомиссии: «Зачем Вы пришли?» Объявив о цели прихода подкомиссии, из толпы послышались возгласы: «Не вы клали, потому и не возьмёте». Вскоре, верующих удалось успокоить». Священник Добролюбов и староста Драницин были преданы «суду Революционного Трибунала», – писалось в газете [Нижегородская коммуна, 1922:2].

В круг заинтересованности большевиков к различного рода имуществу всех монастырей и церквей Нижегородской епархии попала одна из почитаемых святых Нижегородской губернии Оранская икона Божией Матери. 10 сентября 1922 года последний наместник Оранского монастыря игумен Димитрий (Архангельский), в своём рапорте сообщил митрополиту Нижегородскому и Макарьевскому Евдокиму (Мещерскому) о том, что из уездного Богородского исполкома в обитель прибыли уполномоченные для проведения изъятия ценностей. С чудотворной Оранской иконы Божией Матери была изъята риза, о чём сообщал наместник Оранского монастыря: «Таким образом, омрачилось наше духовное и народное торжество храмового праздника и горше всего то, что последовала к изъя-

тию риза с чудотворной Оранской иконы Божией Матери, и наше самое святое и дорогое сокровище — Чудотворная икона, чтимая всем населением Нижегородской губернии, осталась не покрытою». Изъятие церковных ценностей коснулось и Печерского монастыря Нижегородской губернии. Была изъята ещё одна почитаемая святыня – чудотворная икона Божьей Матери «Печерская с предстоящими Антонием и Феодосием» [Дягтева, 2006: 31-35]. Таким образом, Нижегородской губернии всего было доставлено в Губфинотдел по городу и уезду серебряных изделий 744 п. 95 з. 66 д. Из них отправлено в Москву – ГОХРАН – 556 п. 19 ф. 78 з. 58 д. Остаётся в Губфинотделе – 197 п. 21 ф. 17 з. 08 д [ЦАНО. Ф.56. Д. 715. Л.46].

Подводя общий итог хода кампании по изъятию церковных ценностей показано что особенностью проведения кампании являлось то, что поначалу она проходила довольно спокойно и мирно, безусловно благодаря особой позиции Архиепископа Евдокима, который один из немногих архиереев той поры, имел и стремился к достаточно ровным отношениям с Советской властью, тем самым позволив собрать внушительное количество церковного имущества в помощь голодающим. Но вследствие принятых правительством радикальных мер по отношению к церкви компания приняла интенсивный, принудительный и репрессивный характер, в результате чего вызвала сопротивление со стороны духовенства и верующих в Нижегородской губернии. Реальная ситуация, активная позиция церковной общественности, а также поддержка международного сообщества внесла существенные коррективы в планы по реализации кампании. Благодаря приведенным выше документам мы видим, что кампания по изъятию церковных ценностей хотя и оказала своё влияние, но не столько на помощь голодающим, сколько на укрепление материального положения советской и партийной номенклатуры. А также нанесла существенный урон отечественному культурно-историческому наследию, при этом нисколько не повредив позициям Церкви в обществе.

Список литературы:

Абросимова Л.В. Голод 1922 года и Нижегородская епархия // Нижегородская старина. 2013. № 35-36. С. 125-132.

Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО) Ф.1-Нижегородский губком ВКП (б). Оп.1. Д.1864.

Дегтева О.В. Судьба Оранской иконы Божией Матери // Нижегородская старина. 2006. № 11. С. 31-35.

Нижегородская коммуна: ежедневная газета Нижегородского Губернского Комитета Российской Коммунистической Партии и Нижегородского Губернского и Городского Советов Депутатов // Нижегородский Совет рабочих и крестьянских депутатов. Н. Новгород, 1922. № 26,48,76,93,103.

Никитин Д.Н. Евдоким (Мещерский), бывший архиепископ Нижегородский // Православная энциклопедия. 2008. Т. 17. С. 251.

Покровский Н.Н., Петров С.Г. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922-1925 гг.: в 2 кн. Кн. 2. М.; Новосибирск: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Сибирский хронограф, 1998. 647 с.

Протоиерей Соловьев В. Следственное дело Патриарха Тихона: сборник документов по материалам Центрального Архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.

Титков Е.П. Первосвятытель Церкви мучеников. Жизнь, труды и подвиги Патриарха Сергия (Страгородского). Арзамас: АГПИ, 2012. 170 с.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.1016- Нижегородский губернский епархиальный Совет. 1917-1927 гг. Оп.2.Д.170.Л.3.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.1678-Нижегородский губернский революционный трибунал. Оп.8. Д.330.Л.4.,Д.331. Л.5.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.56. -Нижегородский губернский исполнительный комитет. Оп.1. Д.715. Л.46., Д.1645. Л.32., Л.34., Д.1646. Л.20.

Штриккер Г. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. М.: Пропилеи, 1995. 400 с.

Об авторе:

Анастасия Алексеевна Горина – помощник ректора ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования» 603122, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ванеевад. 203.
E-mail: gorinaaa@list.ru.

THE NIZHNY NOVGOROD DIOCESE DURING THE CAMPAIGN FOR SEIZURE OF CHURCHES' VALUES IN 1921-1922

Anastasia A. Gorina

Institute of the Education Development.
603122, Russia, Nizhny Novgorod, ul. Vaneev, 203.

Abstracts. *This paper as illustrated by Nizhny Novgorod province in the first half of the twenties of the XX century presents one of the most tragic pages of the relationship between church and state.*

The purpose of the Soviet government, which declared the creation of the first-ever atheistic state, was a complete elimination of church and religion as cultural, social and world outlook phenomenon. Hunger in 1921-1922 was an initial stage and constituted a ground for all further hardline policy of the Soviet state in its stance toward a church. In consequence of which a huge number of different objects of our Motherland's historical and cultural heritage were done away with, also during repressions, a large number of believers and priests died. Many years in the Soviet historiography, there was a dominant statement that the Russian Orthodox Church opposed transferring the church values, which was intended for the relief aid. All actions of the church and appeals of the Patriarch Tikhon were subjected to obfuscation. A wide variety of sources, which earlier were strictly confidential, and nowadays they become available for researchers, allow objectively analyzing the charity of Russian Orthodox Church for the relief aid in 1921-1922. On the basis of regional archive documents, which contain statistical data, clergies and lay members records of meetings. The article provides more insight on through the campaign for a seizure of churches' values in the Nizhny Novgorod province, also outlines the quantity of the seizure values: how many from them went for the relief aid. The clergies and lay members' records of meetings of the Nizhny Novgorod province make it clear that their desire for relief aid was the optional choice. Printed copies have allowed to establish specific aspects of the campaign for a seizure of a church property, to fully consider the process of transition from the donation of values for the relief aid before the forced seizure of churches' values in the region, and also to determine a problem of the collaboration of the government and the Nizhny Novgorod Diocese.

Key words: *Hunger in 1921-1922, a kind donation, relief aid, the seizure of churches' values, Nizhny Novgorod Governorate, Archbishop Evdokim (Meshchersky), the Nizhny Novgorod Diocese, Church.*

References:

Ambrosimova L.V. Golod 1922 goda i Nizhegorodskaya eparkhiya [Hunger in 1922 and the Nizhny Novgorod Diocese]. *Nizhegorodskaya starina - Nizhny Novgorod antiquity*, 2013, no. 35-36, pp. 125-132 (In Russian).

Gosudarstvennyi obshchestvenno-politicheskii arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (GOPANO) F.1-Nizhegorodskii gubkom VKP (b). Op. 1. D. 1864 [The State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod Region (GOPANO) F. 1-Nizhny Novgorod Provincial Committee of the CPSU (b). Op. 1. D.1864] (In Russian).

Degteva O.V. Sud'ba Oranskoï ikony Bozhiei Materi [The destiny of the Oranskoï icon of the Mother of God]. *Nizhegorodskaya starina - Nizhny Novgorod antiquity*, 2006, no. 11, pp. 31-35 (In Russian).

Nizhegorodskaya kommuna: ezheдневная газета Nizhegorodskogo Gubernskogo Komiteta Rossiiskoi Kommunisticheskoi Partii i Nizhegorodskogo Gubernskogo i Gorodskogo Sovetov Deputatov [Nizhny Novgorod commune: daily newspaper of the Nizhny Novgorod province committee of Russian communist party and Nizhny Novgorod province and city council]. *Nizhegorodskii Sovet rabochikh i krest'ianskikh deputatov* [Nizhny Novgorod Council of Workers and Peasants' Deputies]. N. Novgorod, 1922. no. 26,48,76,93,103 (In Russian).

Nikitin D.N. Evdokim (Meshcherskii), byvsii arkhiepiskop Nizhegorodskii [Evdokim (Meshchersky), the former Nizhny Novgorod Archbishop]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. 2008, vol. 17, pp. 115-118 (In Russian).

Pokrovskii N.N., Petrov S.G. *Arkhivy Kremliā. Politbiuro i tserkov', 1922-1925 gg.: v 2 kn. Kn. 2.* [Archives of the Kremlin: The Political Bureau and the Church. 1922-1925: in 2 books. B. 2]. Moscow, Novosibirsk, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), Siberian Chronograph, 1998. 647 p. (In Russian).

Protoierei Solov'ev V. *Sledstvennoe delo Patriarkha Tikhona: sbornik dokumentov po materialam Tsentral'nogo Arkhiva FSB RF* [Patriarch Tikhon's investigative cause: The Blue Book of cases of the central archive of Federal Security Service (FSB) of Russia]. Moscow, Monuments of historical thought, 2000. 1016 p. (In Russian).

Titkov E.P. *Pervosviatitel' Tserkvi muchenikov. Zhizn', trudy i podvigi Patriarkha Sergiia (Stragorodskogo)* [High priest of the Church of martyrs. Life, works and feats of Patriarch Sergius]. Arzamas, AGPI Publ., 2012. 170 p. (In Russian).

Tsentrāl'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F.1016- Nizhegorodskii gubernskii eparkhial'nyi Sovet. 1917-1927 gg. Op.2. D.170. L.3. [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region (CANR). F.1016 - Nizhny Novgorod Provincial Diocesan Council. 1917-1927 Op.2.D.170.L.3.] (In Russian).

Tsentrāl'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F.1678-Nizhegorodskii gubernskii revoliutsionnyi tribunal. Op.8. D.330.L.4.,D.331. L.5. [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region (CANR). F.1678-Nizhny Novgorod Provincial Revolutionary Tribunal. Op. 8. D.330.L.4., D.331. L.5] (In Russian).

Tsentrāl'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F.56. -Nizhegorodskii gubernskii ispolnitel'nyi komitet. Op.1. D.715. L.46., D.1645. L.32., L.34., D.1646. L.20. [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region (CANR). F.56. -Nizhny Novgorod Provincial Executive Committee. Op. 1. D.715. L.46., D.1645. L.32., L.34., D.1646. L.20.] (In Russian).

Shtrikker G. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v sovetskoe vremia (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnoshenii mezhdu gosudarstvom i Tserkov'iu* [Russian Orthodox Church at Soviet times (1917–1991). Subject matter and documentation of the history of the relationship between state and church] Moscow, Propilei Publ., 1995. 400p. (In Russian).

About the Author:

Anastasia A. Gorina – assistant of the head Nizhny Novgorod Institute of the Education Development. 603122, Russia, Nizhny Novgorod, ul. Vaneev, 203. E-mail: gorinaaa@list.ru.